

ПИСЬМА Н. Н. СТРАХОВА КЪ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОМУ.

I ¹⁾.

Постойте, стойте, безцѣнный Николай Яковлевичъ! Вы такъ торопитесь что васъ не догнать. Вы не читали и не хотите читать моей книги, а спорить хотите. Вы не опровергли ни одного моего вывода, а говорите такъ какъ будто всѣ они ложны. Вы ставите себя въ слишкомъ выгодное положеніе, приписываете себѣ право осуждать, не разбирая дѣла и не выслушивая подсудимаго. Кто заткаетъ уши, для того никакая рѣчь не можетъ быть убѣдительною.

Давайте пофилософствуемъ. Вы начали сами. Вы неправильно обвиняете меня что я челоѣкопоклонникъ, признаю *das Werden, den Geist*, діалектическій процессъ и проч. и проч. Ни о чемъ *подобномъ въ Китаѣ нѣтъ* ни одного слова. Въ томъ-то и штука что *ученіе* Гегеля, надъ которымъ вы такъ ругаетесь, и *метода* Гегеля двѣ вещи различныя, и что если возможно отдѣлиться отъ ученія, то отъ метода невозможно. Что-нибудь изъ двухъ: или эта метода, или голый эмпиризмъ; все среднее есть незаконная помѣсь, уродство, недомысліе.

Логическіе приемы Гегеля проникли повсюду, во всѣ науки, во всѣ литературы, въ газеты и въ дѣтскія книжки. Они есть и въ вашей „Россіи и Европѣ“, они тотъ воздухъ которымъ мы дышимъ. Хорошо ли ругаться надъ ними, употребляя ихъ на каждой страницѣ?

Ученіе Гегеля другое дѣло. Вы знаете что оно имѣетъ тысячу видовъ, что оно служитъ опорой самымъ противоположнымъ взгля-

¹⁾ Письмо это не помѣчено, но оно писано въ юнѣ 1873 г., такъ какъ, судя по его содержанію, представляетъ продолженіе спора о книгѣ Н. Н. Страхова „*Миръ какъ цѣлое*“, вышедшей первымъ изданіемъ въ концѣ 1872 г. На это время указываютъ также упоминаніе о редактированіи Достоевскимъ „*Гражданина*“, что было въ 1873 г., и справка относительно „Россіи и Европы“ по 1 мая этого же года.

дамы. Эта неопредѣленность погубила его. Моя книга одинъ изъ тысячъ видовъ, по моему самый чистый, самый простой и притомъ такой который *не рѣшаетъ вопроса, а задаетъ его.*

Вы упрекаете меня выводами, но въ моихъ выводахъ нѣтъ ничего ни нелѣпаго, ни даже особеннаго. О вашихъ *маленькихъ атомѣхъ* я не буду говорить; мудрено вамъ будетъ присудить меня къ сожженію на кострѣ за ихъ отрицаніе. Но далѣе: я вовсе не обоготворяю челоѣка, а говорю только что онъ хотя и жалкая вещь, но самое сложное и центральное явленіе. Конечно, для васъ какая-нибудь Асасія или Скрытомерія выше челоѣка, но тамъ или здѣсь, а мы находимъ предѣлъ своего познанія, *за который разумомъ выйти не можемъ.* Челоѣкъ чувствуетъ что онъ жалкая вещь и желалъ бы найти другой міръ, что-нибудь получше ума; но всѣ усилія ума отъ начала міра не подвинули его ни на шагъ въ этомъ направленіи. Въмѣсто того чтобы давать мнѣ 500 палокъ, укажите мнѣ лучше выходъ, если знаете. Гегель обоготворилъ челоѣка; я вовсе его не обоготворяю и только показываю въ чемъ вся штука: въ невозможности умомъ перескочить эту границу. Вы вѣруете въ жителей планетъ, увѣряю васъ что это чистое идолопоклонство. Нужно вѣрить въ Бога и Его ангеловъ, предъ которыми дрянъ всѣ планетные жители, такъ что и думать о нихъ не стоитъ. Но всѣ нынче стали космолаты (вотъ вамъ за антрополатрію), поклоняются воображаемымъ существамъ, забывая объ истинныхъ чистыхъ духахъ. Своимъ разсужденіемъ я только это и хотѣлъ сказать, что мы напрасно тѣшимъ свое воображеніе, что слѣдуетъ восхищаться не *міромъ*, а искать чего-нибудь выше. Въ *міръ* нѣтъ ничего чудеснѣе того что мы знаемъ, и челоѣкъ не ниже никакой *мірскаго существа*, а такъ какъ челоѣкъ дрянъ, а міръ хорошъ лишь на столько, на сколько обладаетъ криптомеріями и акаціями, чудеснѣе въ немъ ничего нѣтъ, то и не слѣдуетъ предаваться мечтаніямъ въ этомъ направленіи.

Уже давно, безцѣнный Николай Яковлевичъ, я не поклонникъ Гегеля; но, ей Богу, прогрессъ челоѣчества будетъ очень плохъ, если подобные умы будутъ презираться и забываться. Я питаю величайшее презрѣніе къ Дарвину, Миллю и другимъ подобнымъ любимцамъ нынѣшняго времени. Какъ въ прошломъ столѣтіи Французы забыли своего Декарта и Нѣмцы своего Лейбница и стали увлекаться англійскою философіей, такъ и нынче континентальная Европа устала сама думать, и въ ней распространяются англійскіе взгляды, народа тупѣйшаго. Вы замѣтили какъ-то что Англичане лишены изящнаго вкуса; точно такъ они лишены всякаго философскаго таланта.

Въ заключеніе скажу что вполне оправдаться мнѣ трудно; въ книгѣ, дѣйствительно, есть слѣды пантеизма. Но...

11 июня. Очень мало страницъ которыя я хотѣлъ бы передѣлать, а я это исполню если доживу до втораго изданія ²⁾).

Когда Богъ создавалъ міръ, то Онъ дѣлалъ это по порядку совершенства существъ: сперва растенія, потомъ водныхъ животныхъ, потомъ птицъ, наконецъ сухопутныхъ. И каждый разъ Онъ одобрялъ Свое твореніе, находилъ его достойнымъ похвалы. Наконецъ, чело-вѣкъ Онъ создалъ по своему образу и подобию и тогда нашелъ что все *очень хорошо* (гл. I, ст. 31). Этого Моисеева ученія я вполне держусь и если желаю подняться на другую точку зрѣнія, то вовсе не отвергая столь очевидныя истины...

Мнѣ, впрочемъ, очень пріятно что моя книга задѣла васъ за живое, до того что вы даже предпочитаете ей матеріализмъ. Такъ какъ я увѣренъ что вы заблуждаетесь, то начинаю очень дорожить своими немногими мыслями, истина которыхъ для меня несомнѣнна... Вы корите меня всякою гегелевщиной такою какою у меня вовсе нѣтъ. Между тѣмъ мнѣ интересно было бы узнать ваше сужденіе и даже просто яснѣе понять что васъ такъ гнѣваетъ. Ругайтесь сколько хотите, но сперва прочитайте; увѣряю васъ что это есть истинная метода и единственная. Вы предпочитаете работать въ вашемъ саду, чѣмъ читать мою книгу и писать ко мнѣ письма; для васъ можетъ быть это дѣйствительно отлично, да для меня-то скверно, для меня никакой пользы нѣтъ, а одно неудовольствіе. Завидный вы чело-вѣкъ! До того счастливый что не имѣете ни свободнаго времени, ни надлежащаго терпѣнія... Собирались написать ко мнѣ длинное письмо, такъ напишите, вотъ будете голубчикъ, и буду любить васъ всею душой.

Но полно философствовать. Долженъ сообщить вамъ разныя новости. Дня три назадъ уѣхали Григорьевы въ Ревель. Рука еще въ лубкахъ, но докторъ Чербышевичъ при мнѣ увѣрялъ что дѣло идетъ отлично... Просили очень вамъ кланяться. Пришлю вамъ новую книжку Василія Васильевича ³⁾ *Хивинскія письма*.

Градовскіе уѣхали уже недѣли двѣ назадъ. И отъ Александра Дмитриевича ⁴⁾ пришлю книжку *Національный вопросъ*. Главная мысль (въ статьѣ о славянофилахъ, его публичныя лекціи) ваша, Николай Яковлевичъ, но онъ радуется какъ собственному открытію и поставилъ своимъ долгомъ избѣгать *мнѣнія Запада*, почему и не рѣшился упомянуть о *культурныхъ типахъ*, такъ какъ отживаніе типовъ явилось бы не-премѣнно, а Градовскій лавируетъ и не хочетъ раздра-

²⁾ Второе изданіе „Міра какъ цѣлое“ вышло въ 1892 г. въ исправленномъ видѣ.

³⁾ Григорьевъ, извѣстный оріенталистъ.

⁴⁾ Градовскій, профессоръ и публицистъ.

Р. В. 1901. I.

жать публику. Ну, да вы увидите. Я упомянуть въ книгѣ на 305 страницѣ въ качествѣ *одного изъ друзей* автора; казалось бы очень лестно, а мнѣ лучше бы хотѣлось быть упомянутымъ въ качествѣ посторонняго. Впрочемъ, еще утѣшительно быть авторомъ котораго хоть друзья читаютъ, и то горькая доля! Меня и друзья перестаютъ читать, вы первый!

Мещерскій тоже уѣхалъ къ моему удовольствію. Достоевскій одинъ заправляетъ дѣломъ ³⁾ и, кажется, много ему выпадетъ на долю неприятностей. Охота была соваться въ такое дѣло! Судя по разказамъ, онъ принялъ на себя редакторство впопыхахъ, не подумавши, а мысль объ этомъ подалъ Майковъ. Ну, счастье Мещерскому! Понять невозможно чѣмъ онъ могъ заслужить такое большое усердіе.

Кашипиревъ все лежитъ съ переломленною ногою, теперь десять недѣль и столько же предстоитъ впереди. Несмотря на то, думаютъ ѣхать въ деревню въ началѣ іюля. Княжна Вѣра Сергѣевна (которую вы должны помнить, да, вѣрно, не помните) выходитъ замужъ за Мамчица (этого совсѣмъ не знаете), свадьба будетъ въ іюлѣ, въ деревнѣ, гдѣ они теперь.

Майковъ уѣхалъ на дачу въ Ямбургъ чтобы удить въ рѣкѣ Лугѣ; Полонскій не надолго въ Италію лечить свою ногу которая все у него болитъ. Моя нога, представьте, до сихъ поръ иногда отзывается. Но только недѣли три какъ я вполнѣ пересталъ чувствовать слабость и ужасно былъ радъ возможности долго гулять. Проклятая классическая реформа! Пріятеля у котораго стояли мои книги сгоняютъ съ мѣста за подозрѣніе въ несочувствіи классицизму. Теперь не знаю какъ быть. Хочется нанять квартиру и зажить постояннымъ жителемъ Петербурга. А на мѣстѣ ⁴⁾ я все еще не утвержденъ!

Вотъ вамъ справка: съ 1 мая 1872 по 1 мая 1873 года разошлось „Россіи и Европы“ 83 экземпляра, такъ что нужно продать еще 75 или около для того чтобы изданіе окупить. Плохо васъ продаютъ, Николай Яковлевичъ, а не то чтобы васъ плохо покупали. Такъ мнѣ кажется.

У Л. Н. Толстаго уѣхавшаго теперь въ Самару опять бѣды: умерла племянница и опять быкъ забодалъ пастуха. Онъ дивится что такой необыкновенный случай у него повторился два раза. Съ восторгомъ извѣщаетъ что пишется и уже много готово, только не то что я вамъ разказывалъ, а что-то другое, не историческое...

Іюнь здѣсь стоитъ педурной, но часто здѣшняя природа показывается и въ своей ужасающей мрачности, вечера иногда имѣютъ

³⁾ Редактированіемъ *Гражданина*.

⁴⁾ Въ Императорской публичной библиотекѣ, гдѣ какъ и въ ученомъ комитетѣ Н. Н. Страховъ началъ службу съ 1873 г.

такой грустный видъ что и сказать нельзя. Новый паркъ на Адмиралтейской площади уже зеленѣетъ и сдѣлалъ очень пріятною алею Адмиралтейскаго бульвара. Отъ меня близко. Было три дня жаркихъ, такъ что я одурѣлъ и принялъ твердое намѣреніе переѣхать на дачу. Поѣхалъ къ знакомому который предлагалъ мнѣ комнату; что же? Вечеромъ сырость, тоска и комары, днемъ страшная духота подъ тоненькою и низкою крышей, а если дождь, каплетъ съ потолка. Я плюнулъ и остаюсь въ городѣ.

Прощайте, безцѣнный Николай Яковлевичъ, ругайтесь сколько угодно, но пишите непременно... ⁷⁾ Вашъ всею душою *Н. Страховъ*.

II.

Очень виноватъ передъ вами, безцѣнный Николай Яковлевичъ, и предъ Ольгой Александровной что такъ долго не писалъ. Но, наконецъ, накопилось такъ много новостей и совѣсть такъ меня замучила что сегодня, въ Крещеніе, я не поѣхалъ въ гости, засѣлъ и пишу къ вамъ. Новости вотъ какія: Василій Васильевичъ получилъ звѣзду, Каэтанъ Андреевичъ другую, Александръ Дмитріевичъ генеральскій чинъ (изъ лицей). А всетаки скучно. Александръ Дмитріевичъ какъ-то объяснялъ это тѣмъ что васъ нѣтъ, я съ этимъ совершенно согласенъ и нѣтъ-нѣтъ да и принимаюсь вспоминать васъ... Каэтанъ Андреевичъ, слава Богу, поправляется... Понедѣльники у Василя Васильевича бываютъ ужасно людные, такого множества народа я у него не видывалъ и съ умиленіемъ вспоминалъ прежніе дни когда были вы да еще три четыре человѣка. Тогда было веселѣе. Теперь собирается все восточный факультетъ (Василій Васильевичъ недавно выбранъ въ деканы)... Ближайшій другъ Николаевскій (помните-ли?).

Литература моя идетъ плохо. Постоянно пишу въ *Гражданинъ*, но никто меня не хвалитъ и не поощряетъ. Никто изъ пріятелей не читаетъ *Гражданина*. Наконецъ, Василій Васильевичъ и Александръ Дмитріевичъ просили принести имъ мои статьи. Прочитали, не понравилось; Александръ Дмитріевичъ сказалъ даже что у меня пропасть талантъ и что для поправленія дѣла мнѣ нужно бросить *Гражданинъ*.

Да вообще *Гражданинъ* не читается ни университетомъ, ни литераторами, ни тою компаніею которая собирается по субботамъ у Ивана Петровича Корнилова. Между тѣмъ подписка хороша: 21½ тысячи навѣрно будетъ. Но несчастный Достоевскій совсѣмъ изму-

⁷⁾ Обычные въ каждомъ письмѣ поклоны и пожеланія.

чился. Я его очень дѣлю и многое ему прощаю, но при его теперешней раздражительности просто избѣгаю съ нимъ видѣться.

Кн. Мещерскій пожинаетъ лавры. Везетъ ему удивительно. Мало того что Майковъ въ него влюбился, и Достоевскій пошелъ къ нему въ работники. Теперь ему удался сборникъ, *Складчина*, въ пользу Самарцевъ. Это его затѣя. Онъ сваскока успѣлъ соединить литераторовъ и самъ попалъ не только въ ихъ избранную компанію, но и выбранъ *казначеемъ*. Наконецъ, вчера Буренинъ похвалилъ его романъ *Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ*. Вы не понимаете что значить похвала Буренина, но увѣряю васъ что это счастье безмѣрное.

Зато я по службѣ дѣлаю успѣхи. Я вижу теперь что стоитъ получить одно мѣсто, другія мѣста такъ и полѣзутъ. Старшій бібліотекаръ Публичной Библіотеки есть, видите-ли, лицо почтенное, на которое можно положиться; это не какой-то литераторъ Страховъ. Предложили мнѣ сперва быть редакторомъ *Славянскаго Сборника* издаваемого съ нынѣшняго года Славянскимъ комитетомъ. Скрѣпя сердце, я взялся, потому что ужъ очень этого хотѣлось и Бычкову, и Корнилову, да и деньги общаются. И представьте насмѣшку судьбы, я поѣхалъ къ Ламанскому просить статьи! Сбылось предвѣщаніе которое когда-то сочинили вы съ Александромъ Дмитріевичемъ. Сборникъ будетъ, конечно, ученъ, очень сухъ и очень плохъ.

Затѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ въ бібліотеку самъ А. И. Георгіевскій и предложилъ мнѣ мѣсто въ Ученомъ Комитетѣ, разбирать учебники по естественнымъ наукамъ, 1000 р. въ годъ. Я...согласился. Если бы не долги, не брать⁸⁾, не дороговизна квартиры, я бы отказался. Не знаю что будетъ, такъ какъ вотъ двѣ недѣли Георгіевскій молчить. Но во всякомъ случаѣ я надѣюсь, бездѣльный Николай Яковлевичъ, въ февралѣ выслать вамъ 145 р. Вотъ вамъ доказательство моего трудолюбія и хорошаго поведенія. Къ концу года, надѣюсь, у меня будетъ своя квартира и не будетъ долговъ.

Съ Мануиломъ Александровичемъ мы все больше и больше дружимся. Жду его изъ Вологды черезъ два три дня. Прошрое полугодіе онъ почти не занимался, но... много читалъ легкаго. Теперь, *близко*, пріѣдетъ сюда на тяжкій трудъ: готовится къ экзаменамъ. Самъ я почти все время не въ духѣ: мучить меня темнота, и я часто вспоминаю крымское солнце. Пишется плохо, зато читаю запоемъ. Вотъ кстати: Майеръ открывшій *сохраненіе силы* и превращеніе движенія въ теплоту отзывается съ величайшею похвалою о книгѣ *Гирна*, которую мы съ вами читали.

1874 г. 6 января С.-Петербургъ.

⁸⁾ Петръ Николаевичъ Страховъ.

III ⁹⁾.

Съ искреннѣйшею благодарностью посылаю вамъ, безцѣнный Николай Яковлевичъ, сто рублей; такъ какъ англійская книжка стоитъ пять рублей 50 коп., то за мною остается около 40 руб. на которые я исполню ваши комисіи, а что останется, выплю. Это уже *четвертый* долгъ который я уплачиваю съ августа (первые три долга были поменьше и требовали скорѣе уплаты). Радуетъ это меня необыкновенно. Какого лучше доказательства что и при жалованіи по библиотекѣ я могу порядочно поживать? А тутъ даюгъ мнѣ еще мѣсто въ 1000 р., члена Ученаго Комитета при Министерствѣ Н. Просвѣщенія; заживу отлично и приму видъ самаго почтеннаго и основательнаго чловѣка... Но библиотека будетъ мнѣ точкою опоры, а также и литература.

Успѣлъ въ то же время и помочь Самарцамъ, то-есть, написать статью для *Складчины*. Если и не напечатаютъ, то это будетъ чудесно, значить, нашлись статьи которыя гораздо лучше моей. Затѣмъ скажу вамъ что нынѣшняя литература, наконецъ, начинаетъ возбуждать во мнѣ злобу, да и все наше современное искусство, живопись, музыка и проч. Въ ней, очевидно, господствуетъ духъ великорусскаго мужика. Чистые мужики, да еще костромскіе: Некрасовъ, Островскій, Писемскій, Потѣхинъ (все изъ Костромы); а къ нимъ примыкають и Достоевскій, и Салтыковъ, и композиторъ Мусоргскій (недавно съ огромнѣйшимъ успѣхомъ шла его опера *Борисъ Годуновъ*), и живописецъ Рѣпинъ и т. д. и т. д. Настоящее искусство у насъ заведено Татарами (Державинъ), Неграмп (Пушкинъ), Хохлами (Гоголь), а изъ великороссовъ жители Украины (Толстой, Тургеневъ). Но теперь чисто великорусскій элементъ беретъ верхъ и грозитъ все затопить. Великороссы не имѣютъ дара къ искусству и философіи: это практическій, прозаическій народъ. Имъ не нравится „Россія и Европа“ (Вы, вѣдь, отчасти Малороссъ, а можетъ быть и совсѣмъ?), а глумленіе Щедрина надъ русскимъ народомъ и русскою исторіей имъ по душѣ.

Негодное племя! Они портятъ все сами въ себѣ; на все способны, но ничему не отдаются всею душой и ничего не могутъ создать. Все за что они берутся тотчасъ у нихъ опошляется и доводится до гадости. Они погубятъ наше искусство. Я встрѣчалъ у образованныхъ и тончайше развитыхъ людей такіе примѣры гру-

⁹⁾ Письмо это не помѣчено; но оно, очевидно, должно слѣдовать за предыдущимъ непосредственно и писано осенью 1874 г.

бости, отсутствія изящества, отсутствія пониманія духовныхъ вещей что ужасался. И при этомъ безтолковѣйшій энтузіазмъ который вѣчно выпыхиваетъ и никогда не горитъ ровно и долго.

Мысль о значеніи сѣвернаго великорусскаго элемента въ нашей литературѣ была слегка высказана Ап. Григорьевымъ который самъ былъ удивительнымъ типомъ москвича по грубости чувства изящнаго, по энтузіазму и неустойчивости.

Однако, прощайте. Пишу къ вамъ въ библіотекъ, гдѣ вообще пишу свои письма, къ ущербу казенной службѣ. Но я исправный библіотекарь, повѣрьте, Николай Яковлевичъ.

О Николаѣ Петровичѣ я вамъ не писалъ потому, что все по-прежнему и по благополучному. Перемены ни малѣйшей, въ чемъ и состоитъ истинное счастье. Я у него обѣдаю разъ или два въ недѣлю, онъ мнѣ читаетъ переводы изъ Мицкевича и изрѣдка споритъ о жителяхъ планетъ.

Буду посылать книги, напишу вамъ еще, а теперь всѣмъ сердцемъ желаю вамъ и Ольгѣ Александровнѣ..

Р. S. Мануилъ Александровичъ здравствуетъ и ведетъ себя изрядно.

IV.

Сколько разъ, многоуважаемый Николай Яковлевичъ, я находилъ великую отраду въ томъ что принадлежу къ народу, въ будущность котораго нельзя не вѣрить, и къ государству которое незыблемо-крѣпко держится духомъ этого народа. Еслибы не эта вѣра, то могъ ли бы я при нынѣшнихъ обстоятельствахъ спокойно читать свои книги и продолжать свои размышленія, не вливая языкомъ съ утра до вечера, какъ это дѣлаютъ многіе вокругъ меня? Я не читаю газетъ, не дѣлаю напрасныхъ догадокъ, не браню и не хвалю, а терпѣливо и спокойно жду пока совершится то что отъ меня не зависитъ, въ чемъ не могу и не умѣю дѣйствовать. Но очень грустно и тяжело видѣть такой упадокъ русскаго духа, такое странное безлюдье, такое низкое настроеніе умовъ и душъ, разумѣется вверху, а не внизу. Одна надежда—Государь и Наслѣдникъ: Они по-русски чувствуютъ, по-русски страдаютъ. Миролюбіе Государя и Его рыцарское отношеніе къ коварнымъ и злоумышляющимъ европейцамъ мнѣ нравятся и можетъ быть и до конца на нашей сторонѣ будутъ и благородство, и милосердіе, и побѣда.

Усердно благодарю васъ за приглашеніе; но у меня столько набралось разныхъ визитовъ что я съ сожалѣніемъ долженъ отказаться

отъ этой мысли. Иныѣшнее лѣто буду кочевать по Россіи: думаю побывать въ Бузулукскомъ уѣздѣ и пить кумысъ въ новомъ имѣніи у Л. Н. Толстаго. Къ Фету тоже поѣду въ новое имѣніе подъ Курскомъ. Впрочемъ, все это только планы; но еслибы и можно было выгадать время, будетъ уже поздно. Надѣюсь когда-нибудь прогостить у васъ мѣсяца два сряду.

Получили ли вы мою брошюрку? Смотрите, не кидайте подъ столъ изъ пренебреженія къ философіи вообще и къ моей въ особенности, а прочтите съ начала до конца и уже потомъ ругайтесь. Я самъ очень доволенъ этою книжкой *) и получилъ нѣсколько похвалъ очень меня удовлетворившихъ.

Если надумаете писать, то до половины августа всего лучше адресуйте въ Тулу на имя Л. Н. Толстаго.

Жалѣю очень о *Р. Мирѣ*. Какъ это можно, имѣя 10.000 подписчиковъ, уронить газету! Теперь она конечно хуже, но вѣроятно лучше удовлетворяетъ читателей, и посмотрите, пожалуй, пойдетъ. Если напишете что-нибудь, совѣтую вамъ прямо послать въ *Новое Время*. Тамъ напечатаютъ съ радостію. Да Суворинъ, вѣдь, порядочный человѣкъ и съ нимъ пріятно имѣть дѣло. А вамъ нечего перемониться, вамъ нужно заявлять свое мнѣніе.

Николай Петровичъ и Надежда Павловна уѣхали давно и благополучно. Василия Васильевича видѣлъ недавно, и показалось мнѣ что онъ опустился. Впрочемъ, это было на желѣзной дорогѣ въ Гатчинѣ, и духота была страшная...

PS. Завтра ѣду въ Ясную.

1878 г. 15 іюня.

V.

Начнемъ-те съ дѣла, дорогой Николай Яковлевичъ. Отвѣтъ „Обществу“ нужно писать на имя секретаря Николая Петровича Аксакова (Москва, Столешниковъ переулокъ, д. Никифорова). За дипломъ слѣдуетъ уплатить 10 руб., да еще слѣдуетъ приложить членскій взносъ 10 руб.; тогда вы получите въ награду всѣ изданія Общества, вещи очень хорошія, пѣсни и проч. Я только сегодня отправляю этотъ членскій взносъ и считаю большимъ невѣжествомъ что не отвѣчалъ до сихъ поръ... Мы выбраны еще въ 1876 г. ¹¹⁾

Не знаю почему такъ приходится, но я обыкновенно принимаюсь за письма тогда, когда бываю въ самомъ дурномъ духѣ. Не потому

¹⁰⁾ „Объ основныхъ понятіяхъ психологій“.

¹¹⁾ Въ засѣданіи 23 декабря въ дѣйствительные члены „Общества любителей россійской словесности“ при Московскомъ университетѣ.

ли что тогда живѣе чувствуешь и свои обязанности и свое одиночество? Но вы, я знаю, не охотникъ до подобныхъ соображеній. Вы написали мнѣ и Николаю Петровичу пребольшія письма о Славянахъ и Дарвинѣ. Мы ихъ читали съ величайшимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, но едва ли въ силахъ отплатить вамъ равною мѣрой. Въ-сто того чтобы отвѣчать вамъ по пунктамъ, скажу лишь что вы совершенно правы съ политической точки зрѣнія, но что на эту точку никакъ не можетъ стать Толстой, выходя изъ *своей* точки. Тутъ есть противорѣчіе, разрѣшить которое я не берусь, но которое живо чувствую въ себѣ самомъ. Я безмѣрно удивляюсь Толстому что онъ съ непоколебимою стойкостью держится взгляда внушаемаго ему самою его натурой, самымъ его геніемъ, притомъ взгляда трудно уловимаго, не имѣющаго установившихся формъ, не вкладывающагося въ готовые выраженія. Какъ критикъ я въ большомъ восхищеніи отъ такого глубоко-оригинальнаго явленія; какъ человекъ я чувствую въ себѣ тѣ струны которыя беретъ Толстой и люблю его всею душою. Вы называете это фатализмомъ, квіэтизмомъ, культомъ ежедневности ¹²⁾ (такъ?); но это не то; вмѣсто того чтобы браниться, попробуйте точнѣе формуловать то что хочетъ сказать Толстой и что сказать ему самому такъ ужасно трудно, и вы убѣдитесь что тутъ отражаются если не всѣ, то навѣрно наилучшія стороны нашего народнаго характера. Вы, напримѣръ, очень ошибаетесь, говоря что онъ идеализуетъ Александра! Дня три назадъ нашъ Сентъ-Илеръ (у насъ есть такой зоологъ и педагогъ) даже съ большимъ жаромъ доказывалъ мнѣ что Толстой величайшій изъ нашихъ нигилистовъ, что онъ, напримѣръ, представилъ въ смѣшномъ видѣ чувство преданности къ государю. Въ сущности и это неправда; онъ представилъ эти чувства въ ихъ *истинномъ* видѣ, такъ что вы не знаете умиляться, или смѣяться. Это не только юморъ, это что-то выше всякаго юмора, какое-то разоблаченіе души во всемъ ея ничтожествѣ и вмѣстѣ красотѣ. Толстой пишетъ очень ярко; попробуйте же проводить черту между тѣмъ что онъ считаетъ дурнымъ и тѣмъ что считаетъ хорошимъ; эта черта всегда вѣрна безупречно, вездѣ имѣетъ надлежащее направленіе. Чего же больше? Что можетъ быть выше? Односторонность его очевидна; я указывалъ ее въ своей восторженной статьѣ, и лично мнѣ слѣдовало бы сокрушаться, потому что онъ не только не пробовалъ исправиться, а даже еще глубже ушелъ въ свою односторонность. Но онъ будетъ правъ, пока вы не найдете какимъ путемъ онъ съ своей точки зрѣнія можетъ перейти на вашу, и притомъ такъ чтобы, какъ училъ Гегель, въ новомъ взглядѣ *сохранилась вся* правда его нынѣшнихъ воззрѣній.

¹²⁾ Сперва было написано „Современности“.

Я увѣренъ что духомъ высказывающимся у Толстаго хранится и живетъ Россія, что отъ этого духа зависятъ, главнымъ образомъ, и тѣ чудеса самоотверженія и *смирнаго героизма*, которыми мы одолѣемъ Европу и всѣхъ нашихъ враговъ вѣшнихъ и внутреннихъ.

Вы правы: наши политическія неудачи породили въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ безпорядки, общій упадокъ довѣрія и энергіи. Это какъ-то слышится въ воздухѣ, и признаюсь, отъ этого прескверно живется. Сообщу вамъ о недавней баталіи въ Академіи Наукъ. Нѣмцы хотѣли сдѣлать адъюнктомъ по санскриту нѣкотораго Ш. почти вовсе неизвѣстнаго, но зато племянника академику NN. Вл. Ламанскій написалъ презлую статью въ *Новомъ Времени*, и племянникъ сегодня провалился.

На дняхъ мы праздновали у Каэтана Андреевича его выборъ на 4-е пятилѣтіе въ университетѣ. Былъ и Василій Васильевичъ, нынче очень бодрый и веселый, и Ольга Васильевна...

Я послалъ вамъ 3-й томъ Виганда; надѣюсь, я не ошибаюсь что первые два у васъ есть. Незвѣстный вамъ авторъ о борьбѣ за существованіе въ астрономіи есть вѣроятно Prel, котораго я просилъ выписать и пришлю какъ только получу.

Музыкой я нынче очень наслаждался. *Лоэнгринъ*, опера Вагнера, часто давалась въ эту зиму и подъ конецъ была исполнена превосходно. Это великія произведенія свидѣтельствующія о великихъ духовныхъ силахъ Нѣмцевъ. И на нѣкоторыхъ книгахъ мнѣ пришлось убѣдиться что этотъ духъ могучъ какъ и прежде и стоитъ своей славы.

...Лѣтомъ я доѣду до Кременчуга, но дальше не придется спуститься; на слѣдующее лѣто я непременно поѣду въ Константинополь и заѣду къ вамъ...

1879 г. 4 мая. Спб.

VI.

Изъ Москвы въ Петербургъ мы ѣхали 31 августа вмѣстѣ съ Петромъ Петровичемъ, и тутъ я получилъ о васъ извѣстія. Оказывается что у васъ все по прежнему достойно зависти, и ваша милая семья благоденствуетъ, и садъ надъ моремъ красуется, конечно, все лучше и лучше съ каждымъ годомъ. Особенно я завидую не японскимъ растеніямъ которыя вы акклиматизуете, а вашему свѣту и воздуху.

Нынѣшнимъ лѣтомъ я доѣзжалъ до Кременчуга и сдѣлалъ отсюда прогулку до Кіева: никогда такъ я не любовался этимъ солн-

цемъ и никогда меня такъ не томилъ здѣшній мракъ. Какъ нарочно сентябрь стоитъ прекрасный по увѣренію здѣшнихъ жителей, а я не могу безъ досады видѣть эти тускло-желтоватые лучи которые здѣсь называются еолнечнымъ свѣтомъ. Мои сожители Стахѣвы провели три мѣсяца, май—іюль, возлѣ Алушты и не нахвалятся. И мужъ и жена поздоровѣли; Стахѣва всѣ три мѣсяца ни раза не испытывала головной боли, и эта боль вернулась на послѣдней станціи подъ Петербургомъ. Такъ какъ болѣзнь очень ихъ мучить, то рѣшили они завести себѣ осѣдлость гдѣ-нибудь въ Крыму и проводить тамъ не менѣе полугода... Рекомендую ихъ вамъ въ сосѣди, очень милые люди, а если поздоровѣютъ, еще лучше станутъ.

Теперь разкажу вамъ мои странствія. Въ Кременчугѣ я... провѣлъ мѣсяцъ, а потомъ пустился въ обратный путь и по дорогѣ гостилъ у Фета, у Толстаго и у Голохвастова. Стихи Фета вы прочтете въ *Русской Рѣчи* (а каковы драмы? ужасъ!). Толстаго я нашелъ на этотъ разъ въ отличномъ духѣ. Съ какою живостію онъ увлекается своими мыслями! Такъ горячо ищутъ истины только молодые люди, и могу положительно сказать что онъ въ самомъ разцвѣтѣ своихъ силъ. Всякіе планы онъ оставилъ, ничего не пишетъ, но работаетъ ужасно много. Однажды онъ повелъ меня съ собою и показалъ что онъ дѣлаетъ между прочимъ. Онъ выходитъ на шоссе (четверть версты отъ дома) и сейчасъ же находитъ на немъ богомолки и богомольцевъ. Съ ними начинаются разговоры, и если попадутся хорошіе экземпляры и самъ онъ въ духѣ, онъ выслушиваетъ удивительные разказы. Верстахъ въ двухъ есть небольшіе поселки и тамъ есть два постоянные двора для богомольцевъ (содержатся не изъ выгоды, а для спасенія души). Мы зашли въ одинъ изъ нихъ. Человѣкъ восемь разнаго народа, старики, бабы, и дѣлаютъ что кому нужно: кто ужинаетъ, кто Богу молится, кто отдыхаетъ. Кто-нибудь непременно говоритъ, разказываетъ, толкуетъ, и послушать очень любопытно. Толстаго кромѣ религіозности, которой онъ очень преданъ (онъ и посты соблюдаетъ, и въ церковь ходитъ по воскресеньямъ), занимаетъ еще языкъ. Онъ сталъ удивительно чувствовать красоту народнаго языка, и каждый день дѣлаетъ открытія новыхъ словъ и оборотовъ, каждый день все больше бранить нашъ литературный языкъ, называя его не русскимъ, а *испанскимъ*. Все это, я увѣренъ, дастъ богатые плоды. Были мы съ нимъ также на волостномъ судѣ, часа три слушали, и я вынесъ оттуда величайшее уваженіе къ этому дѣлу, тогда какъ изъ суда надъ Засуличъ вынесъ глубокое омерзѣніе.

Главная тема мыслей Толстаго, если не ошибаюсь, противоположность между старою Русью и новою, европейскою. Онъ повторяетъ

какъ новое много такого что сказали славянофилы, но онъ это такъ прожить и пойметъ какъ никто.

Я собираюсь для *Русской Речи* написать объ „Аниѣ Карениной“ небольшую статейку. Редакторъ больно плохъ, нечего грѣха таить.

Къ моему горю не могу вамъ дать извѣстій о Васильѣ Васильевичѣ. Знаю только что онъ жилъ въ Гатчинѣ на *своей* дачѣ и работалъ подобно вамъ въ *своемъ* саду.

О повѣшеніяхъ, о социалистахъ, о новыхъ правилахъ для студентовъ, о Гуркѣ, Бисмаркѣ и Рудневой-Кошеваровой, обо всемъ этомъ слишкомъ долго говорить и странно, я слышалъ о такихъ вещахъ непрерывные разговоры вездѣ, въ Кременчугѣ, въ Кіевѣ, въ Воскресенскѣ, а здѣсь, попавши въ бібліотеку и въ Ученый Комитетъ, я вдругъ чувствую что очутился въ уединенномъ и тихомъ пристанищѣ: весь шумъ замолкъ.

Кстати, я видѣлъ антропологическую выставку и убѣдился что нынче шарлатанять и торгуютъ наукою не хуже чѣмъ разными другими вещами...

23 сентября 1879 г. Спб.

VII.

Очень, очень вповнѣть передъ вами, многоуважаемый Николай Яковлевичъ. Письмо ваше насчетъ покупки земли Стахѣвымъ я получилъ исправно; но отвѣчать на него сейчасъ нельзя было, потому что Стахѣвъ все колебался и ждалъ извѣстій отъ своего пріятеля живущаго въ Крыму и собирающагося вмѣстѣ съ нимъ купить землю. Дѣло это, кажется, и до сихъ поръ не доведено до конца, и самъ Стахѣвъ, наконецъ, уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ вѣроятно и устроитъ свою покупку и, можетъ быть, даже заѣдетъ къ вамъ. Между тѣмъ черезъ Николая Петровича я получалъ о васъ очень подробныя извѣстія и поклоны; всегда просилъ его и вамъ кланяться, а теперь вообще усердно благодарю васъ за память и очень прошу извиненія за молчаніе. Кутерьма тутъ у насъ, какъ вы знаете, большая; на примѣръ, одна смѣна Толстаго заставляетъ такъ работать головы и языки что весело смотрѣть и слушать. Впрочемъ, напрасно я сказалъ головы; головы у насъ не работаютъ. Горестно подумать что за это двадцатипятилѣтіе у насъ ничего твердаго не сложилось, а продолжается и растетъ въ умахъ та же смуга, то же шатаніе. Професоръ Модестовъ написалъ что Русскіе вообще мало способны къ филологіи. За это и за подобныя мнѣнія его лишили мѣста; въ бумагѣ которую по этому случаю была прислана митро-

политу (дѣло было въ Духовной Академіи) и которую Модестовъ хранить, какъ драгоценный документъ, сказано что профессоръ клевещетъ на свой народъ, ибо-де молодые люди посылаемые въ Китай и Японію *очень скоро и легко научаются по китайски и японски.* Такъ-то у насъ понимается наука!

Кстати, у Казтана Андреевича я встрѣтилъ Японца который очень порядочно говорил по-русски и разказывалъ какъ онъ учился. Представьте, онъ употребилъ на это только 14 мѣсяцевъ; первыя же книги которыя онъ сталъ читать по-русски были Бокль, Дреперъ, Спенсеръ и т. п. въ русскихъ переводахъ. Молодой человѣкъ едва похожій на человѣка показался мнѣ очень способнымъ и энергичнымъ. А его стремленіе къ просвѣщенію, презрительные отзывы о Китаѣ, разказы объ японскомъ университетѣ, выборъ книгъ и пр. и пр. живо напомнили мнѣ любезное отечество. Въ настоящую минуту нельзя не ожидать что нашъ классицизмъ поколеблется. Вчера мы являлись къ Толстому чтобы проститься, и онъ торжественно объявилъ что Государь общалъ не измѣнять системы. Я думаю, офиціально она и не будетъ измѣнена, но будутъ придуманы побочныя постановленія и разрѣшенія которыя значительно ее подорвутъ. Такъ что *последній камень къ преобразованію Петра* (такъ говорилъ Катковъ) едвали улежить на мѣстѣ. И подѣломъ! Нельзя любовь къ наукѣ пробудить одними приказаніями.

Василія Васильевича я вижу довольно часто; у него мы разговлялись, мы, то-есть, Николай Петровичъ въ своей славѣ, Ратынскій съ новою Владимірскою звѣздой, князь Цертелевъ, докторъ Чербишевичъ и еще два три лица мнѣ незнакомыхъ. Это было уже послѣ отставки Василія Васильевича и потому очень пріятно было что его прежніе сослуживцы обнаружили свое къ нему расположеніе. А самъ Василій Васильевичъ немножко приунылъ; ему не дали ни мѣста, ни отличія, а только денежную награду и пенсію. Досадно видѣть какъ на другихъ сыплются мѣста и почести, а человѣкъ съ такими достоинствами не можетъ удовлетворить своего честолюбія. Оставшись безъ дѣла, Василій Васильевичъ думаетъ переѣхать въ Гатчину и звалъ меня осенью, то-есть, въ сентябрѣ, гостить къ себѣ. Да еще хочетъ взяться за ученые труды, и добрыйшій Казтанъ Андреевичъ пророчитъ что для насъ Василій Васильевичъ станетъ лучше, что онъ сброситъ съ себя дурное вліяніе которое производила на него служба.

Моя служба не подвигается. Къ Новому году меня представляли изъ библіотеки къ Аннѣ 2-й степени, но, по счастію для меня, Толстой отказалъ. Это все затѣялъ Аванасій Оедоровичъ. Онъ добрыйшій человѣкъ, и я его душевно люблю.

Хотѣлъ было послать вамъ стражу Ознобишина, но сколько ни искалъ, не могъ найти; Галаховъ исключилъ это стихотвореніе изъ своей хрестоматіи. Но я найду и пришлю вамъ, дѣло, вѣдь, не къ спѣху. Пріятно мнѣ было слышать что Геккеля называете болваномъ, таковъ онъ и есть. А о Поповѣ Лазарѣ не могу вамъ ничего сказать, я его не читалъ; знаю только что онъ очень высокаго о себѣ мнѣнія, пишетъ напыщенно, но въ какомъ духѣ, не разобралъ.

4 мая 1880 г. Спб.

VIII.

Вотъ уже недѣля, дорогой Николай Яковлевичъ, какъ я вернулся въ Петербургъ и нашелъ у себя ваше письмо съ любезнымъ приглашеніемъ въ Мшатку. Очень все это грустно; я уѣхалъ слишкомъ рано, 23 мая, и слишкомъ рано вернулся: стояли жары невыносимыя; и все время моей прогулки мнѣ нездоровилось, да и теперь нездоровится. Чтò мнѣ повредило, не могу сказать; но жаръ такъ дурно на меня дѣйствовалъ что у меня не было и предположенія проѣхать въ Крымъ. Я едва добрался до Глухова чтобы посмотрѣть своего внука... Вообще, если судить по тому что я видѣлъ и слышалъ, то лѣто было очень занимательно. Я много гостилъ у Л. Н. Толстаго, ѣздилъ на Пушкинское торжество въ Москву, въ Глуховѣ видѣлъ родныхъ, да погостилъ еще у Фета. Но болѣзнь все испортила, то-есть, испортила. Пушкинское торжество было очень восторженно и доставило много минутъ очень радостныхъ. Читали ли вы рѣчь Достоевскаго? (она въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*). Эта рѣчь имѣла успѣхъ неизобразимый, когда была произнесена, а теперь возбуждаетъ противъ себя величайшую вражду западниковъ, которые вдругъ опомнились и стараются поправить дѣло всякимъ злорѣчіемъ. „Смирись, гордый человекъ! Потрудиись, праздный человекъ!“ Если бы вы слышали, какъ были произнесены эти слова!

Да и вообще заварился такой восторгъ, такой энтузіазмъ что его нельзя разказать. Я ждалъ этого и нарочно для этого поѣхалъ; но дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. И спасибо Достоевскому; онъ спасъ честь русской литературы, а то ничего, кромѣ глупостей, не было бы говорено. Тургеневъ несъ легкомысленный и вредный вздоръ отъ котораго я опять на него разсердился. И какъ же я былъ радъ, когда, послѣ рѣчи Достоевскаго, онъ повѣсилъ голову и уже не ходилъ такимъ балованнымъ и счастливымъ старичкомъ, какъ первые два дня. Его чуть не носили на рукахъ; вообще, по-

требность преклоняться и восторгаться въ людяхъ очень велика, и за немѣнѣемъ настоящаго предмета обращается на...

По этому случаю перехожу къ Л. Н. Толстому.

Въ Ясной Полянѣ, какъ всегда, идетъ сильнѣйшая умственная работа. Мы съ вами, вѣроятно, не сойдемся въ оцѣнкѣ этой работы; но я удивляюсь и покоряюсь ей такъ что мнѣ даже тяжело. Толстой, идя своимъ неизмѣннымъ путемъ, пришелъ къ религіозному настроенію; оно отчасти выразилось въ концѣ „Анны Карениной“. Идеаль христіанина понять имъ удивительно, и странно, какъ мы проходимъ мимо Евангелія, не видя самаго прямого его смысла. Онъ углубился въ изученіе евангельскаго текста, немногое объяснилъ въ немъ съ поразительною простотою и тонкостью. Очень боюсь что по непривычкѣ излагать отвлеченныя мысли и вообще писать прозу, онъ не успѣетъ изложить своихъ разсужденій кратко и ясно; но содержаніе книги которую онъ составитъ истинно великолѣпно.

Въ моей чудесной библіотекѣ есть первое и второе изданіе Principia въ подлинникѣ, а третье, къ сожалѣнію, только въ переводѣ извѣстной вамъ маркизы Du Chastelet. Мѣсто же которое вамъ нужно находится въ третьемъ изданіи и гласитъ: „Метафизическая необходимость, будучи всегда и вездѣ одинакова, не можетъ произвести никакого разнообразія; разнообразіе господствующее во всемъ, смотря по временамъ и мѣстамъ, можетъ происходить только отъ воли и мудрости существа существующаго необходимо“. Если вамъ нужны подлинныя слова по латыни, то я найду ихъ и выпишу; а такъ какъ достать книгу въ библіотекѣ требуетъ времени, то я предпочелъ пока послать вамъ переводъ.

Простите, если мое письмо нескладно и вяло: я самъ прихожу въ негодованіе отъ своей нескладности и вялости. На слѣдующее лѣто очень меня манитъ проѣхать въ Константинополь; нужно припасти денегъ, выѣхать попозже, въ августъ, и на обратномъ пути увидѣть, наконецъ, и Мшатку съ ея дорогими обитателями...

5 августа 1880 г. Спб.

(До слѣдующей книги.)

Сообщилъ И. Матченко.